

Filologické vědy

УДК 811.133.1 (075.8)

ГОСТЕПРИИМСТВО И СЕМЬЯ В РАКУРСЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

З. Н. Афинская

*Кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

HOSPITALITY AND FAMILY FROM THE PERSPECTIVE OF LINGUO-CULTURES

Z. N. Afinskaya

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia*

Summary. The hospitality part of the European culture as one of the foundations of Christianity and occupied a significant place in the traditional family. Meanwhile, a comparison of cultural connotations in English and French, reveals specific features in understanding the conceptual ties of family and hospitality, when it is “gastronomic aspect” is largely. In the Russian linguistic culture hospitality means a warm welcome in the family with the obligatory treat. The semantics and etymology of the word “guest” is marked with diametrically opposite meanings (guest and enemy), which could not fail to affect the perception of the fact of hospitality. In the French painting world *l’hospitalité* is also associated with the reception of guests, but prevail such motifs as hospital, hotel, public policy.

Keywords: visitor; family; politic.

Гостеприимство как феномен европейской культуры связан с христианской моралью, обязывающей помогать бедным, делить кров со странниками и богомольцами, оказывая им радушный прием, облегчая их страдания и болезни, разделяя с ними семейную трапезу. Гостеприимство – одна из моральных ценностей, религиозных по своему существу (не только христианских), но ставшей вновь актуальной в современном обществе, секуляризованном, атеистическом, руководящемся рационалистическими принципами. «Общечеловечность» концепта *гостеприимство* не означает его однозначного понимания, напротив, он

окрашивается разными смыслами в каждой лингвокультуре в качестве «ценностно-смыслового познания» мира [1, с. 8]. О некоторых аспектах этого концепта в русской и французской культурах пойдет речь ниже.

Гостеприимство было одной из главных патриархальных ценностей русского мира, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из русской литературы. Художественная литература, отражая «коллективное бессознательное» или концептуальное восприятие национальной языковой картины мира, предоставляет примеры многих семантических ассоциаций, существующих в русской культуре. Примеры

русского гостеприимства как обыденного, повседневного быта ярко описаны И. В. Гоголем, Л. Н. Толстым и многими русскими писателями. Так, у А. С. Пушкина читаем о Лариных: «Простая русская семья, К гостям усердие большое...»

Радушие, приветливость, угощение, трапеза, хлебосольство – это характерные черты русского гостеприимства и, одновременно, слова-синонимы, которыми заменяется в обыденной речи термин *гостеприимство*, достаточно высокопарный, принадлежащий к так называемому книжному стилю. У В. И. Даля читаем: «*Гостеприимство* – радушие в приеме и угощении посетителей; безмездный прием и угощение странников или странноприимство [3].

Гостеприимство кажется неотъемлемой чертой петербургских островитян, героев лесковских повестей, которая запечатлена в таких мотивах, как «меня здесь встретили радушно» [5, с. 22], «все смотрит так приветно», «хлебосольная трапеза», «хлебосол», «хвалил его хлеб-соль», «Без соли, без хлеба – худая беседа» [5, с. 30] Отказ от общения с людьми, чуждыми по духу или по убеждениям, выражается в отказе от угощения. Так, один купец, «древнего обычая поборникъ» выражает свое сдержанное отношение к молодым социалистам: «Так я, братъ, и хлѣбасоли имъ теперь не дамъ, а тебя с товарищемъ попотчую». Н. С. Лесков точно выразил самый смысл русского гостеприимства – необходимо, прежде всего, предложить гостю трапезу, хлеб-соль. Лексема «хлеб-соль» служит синонимом и аналогом «гостеприимства». Однако, радушие и приветливость – неотъемлемые черты русского гостеприимства – позволяют метафоризировать понятие не только семьи и дома, но и все объекты, включенные в пространство принимающего. «Гостеприимным» в сфере языковой личности лесковских персонажей может быть даже диван, предмет быта, метафори-

чески обозначая расположение хозяина дома к своим друзьям.

В патриархальной, традиционной семье полагалось предоставлять кров и трапезу паломникам, монахам, странникам, причем еда должна была соответствовать монастырскому уставу – без мяса и скоромной пищи:

«– Кто такой? – спросил Розанов...

– Инокъ изъ скитовъ, – шопотом отвѣтил Адріанъ Николаевъ. – Ни рыбы, ни вина не вкушаетъ и съ мирскими не трапезуетъ: ему сюда подавали на рабскомъ столѣ» [5, с. 14].

Хлебосольство считалось отличительной чертой русского и особенно московского быта и семьи. Понятие «хлеб-соль» могло подразумевать и праздничный обед. В повести И. С. Шмелева «Лето Господне» читаем: «Второй день Рождества, и у нас делают обед – «для разных»... Ни икры, ни сардинок, ни семги, ни золотистого сига копченого, а просто: толстая колбаса с языком, толстая копченая, селедки с луком, соленые снеточки, кильки и пироги длинные, с капустой и яйцами. Пузатые графины рябиновки и водки и бутылка шато-д-икема...» [10, с. 272]¹ Отставные солдаты, певчие, пономари, солдатки, блаженные едят «горячую солонину, с огурцами, свинину со сметанным хреном, лапшу с гусиными потрохами и рассольник, жареного гуся с мочеными яблоками, поросенка с кашей, драчену на черных сковородках и блинчики с клюквенным вареньем» [10, с. 275].

Такой праздничный обед для прислуги, работников и богомольцев в определенной мере отступает от правила предоставлять кров и скромный обед по обычаям христианского гостеприимства, примером которого может служить упомянутая лесковская сценка из жизни москвичей, но свидетельству-

¹ «Шато-д-икем» – название французского вина «chateau d'Ykeim».

ет о понимании семьи в широком смысле этого слова. Праздничный обед – нарушение из будничной, повседневной реальности. Пир и пиршество – это своего рода антиподы гостеприимства, так как предполагают обильное угощение «для своих», для приглашенных прежде всего. Примером обильного пиршества, вошедшего в пословицы, служит, конечно, гипербола монастырского обеда, созданная Ф. Рабле, – «самое длинное перечисление блюд и напитков, какое только знает мировая художественная литература» [2, с. 304]. Французский писатель создал гиперболический образ воображаемых монастырских обедов «для своих», что исключает в принципе такие аспекты гостеприимства как помощь, предоставление ночлега, диалог, общение с «чужими».

Однако любые моральные ценности историчны, и гостеприимство претерпевает со временем сущностные изменения. Буржуазная культура с ее культом достатка модифицировала основной христианский принцип гостеприимства как встречи, диалога и общения разных по достатку людей.

Понятие «русское гостеприимство» подразумевает, однако, невольное противопоставление обычаям другим народам, некую исключительность, что не могло не служить объектом иронии и юмора. Так, А. П. Чехов описывает гостеприимство помещика Камышев, который предоставил безвозмездный кров и питание бывшему губернатору своих детей, но пользуется зависимым положением г-на Шампуня (знаменитый чеховский прием – говорящие фамилии!) с тем, чтобы высказать ему неприятие французской культуры. Начав свою критику Франции с недовольства французской горчицей, Камышев переходит на обобщения по поводу французского менталитета и воспитания: «Вообще не нравятся мне французы!.. Безнравственный народ! Наружностью словно как бы и на людей походят, а живут как

собаки... Надо беспристрастно: свиньи, так и есть свиньи... [9, с. 275–276]. Поведение Камышева нарушает один из главных принципов гостеприимства – неоскорбительное, дружелюбное общение. Обильный стол (материальное воплощение гостеприимства) и беседа не заменяют недостаток радушия (сердечности, душевного участия).

В советском обществе XX века представление о гостеприимстве внедрялось в общественное сознание как один из принципов интернациональной дружбы и, отнюдь, не ассоциировалось только с бытом русской семьи, достаточно скромным в гастрономическом смысле этого понятия. Гостеприимство стало восприниматься вне сферы русского мира и, тем более, странноприимства – той черты русской повседневности, которая исчезла вместе с исчезновением христианского уклада жизни семьи, отдельной личности и общества в целом. «Пришли гости, а угощать их нечем» [8, с. 607] – эта фраза как нельзя лучше отражает изменения в ритуалах гостеприимства. Угощение как обязательная составляющая гостеприимства снижает свое значение в русской картине мира XX века, но сохраняет свою значимость в повседневности других этносов, что подтверждается примером из того же толкового словаря: Гостеприимный – «приветливо радушный по отношению к гостям. *Горцы Кавказа гостеприимны*» [8, с. 607].

Гостеприимство практикуется и на государственном уровне, когда зарубежным гостям оказывается «теплый» или «горячий» прием, в процессе которого застолье является неременным атрибутом – ритуал, на который взглянул с улыбкой еще А. П. Чехов. Градоначальник одного провинциального российского городка в целях налаживания экономических связей с иностранцами прибегает к неременным атрибутам гостеприимства – угощению и застолью: «Я городской голова...

То есть лорд-мэр... муниципале... Как лорд-мэр и муниципале я предлагаю вам сделать маленький променаж... По русскому обычаю, не мешало бы тово... пюре, антрекот, шампань и прочее...» [9, с. 425–426]. Ритуал официального гостеприимства может быть ограничен во времени, но угощение является обязательным, статусным атрибутом. Различия в понимании правил гостеприимства может служить препятствием в межкультурной коммуникации, на что обращает внимание А. В. Павловская: «Многочисленные дипломаты XVI–XVII вв. в своих заметках о России нередко жаловались на избыток русского гостеприимства... Для России достойный прием почетных гостей был вопросом чести, государственной политики и национальной гордости. Специальные приставы смотрели за тем, чтобы у гостей были в избытке продукты для повседневного питания, а знаменитые пышные пиры в честь иностранных посланников были одновременно и знаком хорошего отношения к иностранным гостям, и демонстрацией государственного благополучия» [7].

Во французской лингвокультуре гостеприимство ассоциируется, как и в русской культуре, с действием, поступком отдельной личности и укладом семьи, продиктованным моральными принципами, основанными на христианской морали (*charité – Offrir l'hospitalité pour une nuit*). Этим христианским обычаем в секуляризованном и рационализованном обществе придается политический статус; гостеприимство в государственном масштабе подразумевает прием политических беженцев и становится одним из мотивов политики принимающей страны, получает в данном аспекте юридический статус государственного уровня без традиционного соотнесения его с моральным уровнем семьи или личности: «Asile accordé à qqn, un groupe par un pays : Donner l'hospitalité à des réfugiés

politiques» [13]. Предоставление политического убежища не предполагает личных контактов между «гостем» и «хозяином», от лица которого выступают государственные органы, действующие через специальные социальные структуры.

L'hospitalité сохраняет статус нормы вежливости: от хозяев дома ожидается доброжелательный прием, а гостям рекомендуется благодарить «радушных хозяев»: *Bienveillance, cordialité dans la manière d'accueillir et de traiter ses hôtes: Remercier qqn de sa charmante hospitalité*. Поведенческие мотивы принимающей стороны и гостей иллюстрируют нормы общения, характерные для современного общества, где исключается встреча в личном пространстве с *чужими*. В этой процедуре предполагается предварительное знакомство принимающей стороны и гостей, а сам прием гостей предполагает угощение как демонстрацию кулинарных изысков; предоставление ночлега исключается. Французская гастрономическая культура существует как один из отличительных признаков французской культуры вообще и помимо кулинарных изысков включает в себя такие составляющие как «умение вести беседу, чувство стиля, поиск нюансов и разнообразных ощущений» [4, с. 182], но, отнюдь, не подразумевает мотива *гостеприимство*.

Семантически мотивированная разнонаправленность заложена в значении корня слова *l'hospitalité* (*un hôte*). С одной стороны, *un hôte* – это тот, кто «пришел в гости» (*Personne qui reçoit l'hospitalité, est reçue chez qqn.*); с другой, так называется и тот, кто оказывает гостеприимство, т. е. хозяин дома (*Personne qui reçoit qqn chez elle, qui donne l'hospitalité*) [13]. Следует уточнить, что толковые словари современного французского языка ставят на первое место, по значимости, лексему **Hôte** в значении *гость, приглашенный* (*invité*).

Понятие гость в средневековой культуре ассоциировалось не только с паломниками, которым надо было предоставлять ночлег и пищу, но и с недругами, от которых надо защищать свой дом, семью, хозяйство. В современном французском языке это значение утрачено, но оно сохраняется в производных словах, таких как прилагательное *hostile* (враждебный) и существительное *l'hostilité* (враждебность). Значение «враг» в понятии «гость» существовало и в русской лингвокультуре, когда речь шла о «заморских гостях», варягах, но этот мотив не сохранился в концепте *гостеприимство*.

От слова *hôte* фр. (гость) образованы слова *hôtel*, *hospice*. Во французском этимологическом словаре лексема «**Hôte**» отмечена в группе слов, смысловое ядро которых составляет «больница, госпиталь» (*hôpital*): *hospice*, *hospitalier*, *hospitaliser*, *hospitalité*, *hostellerie* [12] *HÔPITAL* зарегистрировано во французских источниках с 1190 г. в качестве производного от лат. *hospitalis domus* (дом для приема гостей *hospes*). В сфере медицины актуализированы значения, связанные с медициной, – *hospitalisation*, *hospitaliser*, *hospitalisme*... В последнее время в современном обществе становится все более популярной деятельность *хосписов*.

Ритуал гостеприимства предполагал в традиционной культуре не только общение, но и ограничение во времени: ночлег предоставляли странникам на одну ночь и угощали один раз обедом, личные контакты также носили ограниченный характер. Временный характер гостеприимства (невозможно гостить бесконечно) – важный его аспект, на что обращает внимание Э. Ле Бра: «En maintenant le statut d'hôte, on veut maintenir le caractère provisoire de l'hôte» («Поддерживая статус гостя, поддерживается сознательно его временный характер» – пер. З. А.) [11, с. 144].

Гостеприимство в современном французском обществе, основанном на принципах либеральной демократии, в котором предполагается разделение сфер личной и государственной сфер жизни, регулируется законами о приеме беженцев (политических и нелегальных, мигрантов, которые между собой называют себя благородным именем «путешественники») [15, с. 326]. Возникает вопрос о том, насколько термин «гостеприимство» соответствует государственной политике относительно массовой иммиграции, предполагающей обеспечение государством длительного проживания вплоть до получения гражданства, работы и предоставления материальных средств для пропитания. Вследствие обезличенности (вне семьи) принимающей стороны исчезает необходимость и потребность в благодарности за оказанный прием. Гостеприимство утратило свою былую значимость в современном французском обществе, которое, по мнению французских социологов М.-Р. Моро и Кл. Мэстр, становится все более «негостеприимным», отказывая беженцам из Африки и Европы в приюте и общении [15, с. 411–415].

Таким образом, гостеприимство относится к древнейшим обычаям и нормам христианского общества и семьи. Однако практика этого социального акта в разных этнокультурах обнаруживает значительные различия. «Семья всегда играла очень большую роль как в экономической, так и духовной жизни России», – отмечает А. В. Павловская [6, с. 90]. В русской лингвокультуре гостеприимство подразумевает радушный прием в семье, хлебосольные обычаи семьи. Во французской картине мира гостеприимство также ассоциируется с приемом гостей, но семантика и этимология слова «гость» отмечена диаметрально противоположными смыслами (*гость* и *враг*), что не могло не отразиться на восприятии факта гостеприимства. В концептосфере *l'hospitalité*

превалируют такие мотивы, как больница (место, где необходимо было оказывать первую помощь странникам), гостиница и современный хоспис.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. – 2-е изд. – М., 2010.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М. : Русский язык, 1981.
4. Загряжская Т. Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. – М., 2015.
5. Лѣсков Н. С. Полное собрание сочинений. – 3-е изд. – т. 10. – СПб.: Некуда, 1902.
6. Павловская А. В. Место и роль семьи в русском мире // Вестн. Московск. университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 3.
7. Павловская А. В. Традиции питания и проблемы межкультурной коммуникации. // Россия и Запад: диалог культур. – 2014 – № 5.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова, Т. 1. – М., 1994.
9. Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т., т. 5. – М., 1962.
10. Шмелев И. С. Сочинения. Т. 2. – М., 1989.
11. Le Bras H. L'hospitalité comme relation // Communications. – 1975. – №65.
12. Dauzat Al., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. – Paris : Larousse, 1971.
13. Dictionnaire général pour la maîtrise de la langue française, la culture classique et contemporaine. – Larousse, 1993.
14. Mestre Cl., Moro M.-R. Comment sommes-nous devenus si inhospitaliers ? // L'Autre. – 2005. – № 3.
15. Moro M.-R., Heidelberg F. La maigreur de l'hospitalité contemporaine // L'Autre. – 2009. – № 3.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alefirenko N. F. Lingvokulturologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka : ucheb. posobie, izd.2-e. – М., 2010.
2. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovyia i Renessansa. – М.,1965.
3. Dal V. Tolkovyyiy slovar zhivogo velikoruskogo yazyika. T. 1. – М. : Russkiy yazyik, 1981.
4. Zagryazkina T. Yu. Frantsiya i frankofoniya: yazyik, obschestvo, kultura. – М., 2015.
5. Lѣskov N. S. Polnoe sobranie sochineniy., izd. trete, t.10, «Nekuda». – S.-Pb., 1902.
6. Pavlovskaya A. V. Mesto i rol semi v russkom mire // Vestn. Moskovsk. Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. – № 3. – 2013.
7. Pavlovskaya A. V. Traditsii pitaniya i problemy mezhkulturnoy kommunikatsii. // Rossiya i Zapad: dialog kultur. – № 5. – 2014, el. versiya.
8. Tolkovyyiy slovar russkogo yazyika: v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova, T. 1. – М., 1994.
9. Chehov A. P. Sobr. soch.: V 12 t., t. 5. – М., 1962.
10. Shmelev I. S. Sochineniya. T. 2. – М., 1989.
11. Le Bras H. L'hospitalite comme relation // Communications. – №65. – 1975.
12. Dauzat Al., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire etymologique et historique. – Paris : Larousse, 1971.
13. Dictionnaire general pour la maitrise de la langue francaise, la culture classique et contemporaine. – Larousse, 1993.
14. Mestre Cl., Moro M.-R. Comment sommes-nous devenus si inhospitaliers? // L'Autre. – 2005. – № 3.
15. Moro M.-R., Heidelberg F. La maigreur de l'hospitalite contemporaine // L'Autre. – 2009. – № 3.

© Афинская З. Н., 2015